

Изъ переписки А. Н. Краснова.

Письма А. Н. Краснова къ В. И. Вернадскому 1888 года.

I.

Berlin, 30 Mai.

Дорогой другъ, Владиміръ Ивановичъ. Напрасно ты укоряешь меня за то, что я не отвѣчаю тебѣ на твои письма. Я тебѣ написалъ ихъ въ Неаполь, по крайней мѣрѣ, три—*poste restante*,—т. к. адреса ты мнѣ не сообщилъ. Мнѣ же ты пишешь по невозможному адресу—*Breslau* и притомъ такая улица, какой не существуетъ, тогда какъ я уже третью недѣлю сижу въ Берлинѣ, гдѣ слушаю очень скверныя лекціи Рихтгофена. Удивляюсь, гдѣ ты нашелъ въ Германіи хорошую школу и что ты подъ этимъ словомъ разумѣешь. Заниматься здѣсь вездѣ хорошо и удобно, но школы нигдѣ нѣтъ и всѣ предоставлены самостоятельности; мнѣ кажется даже, что лекціи читаются болѣе для проформы. Рихтгофенъ читаетъ, положительно, не готовясь, какое-то геологическое пошурри, а т.-наз. коллоквиумъ или практическія работы въ семинаріи есть просто рефераты новыхъ работъ по географіи. Вообще Берлиномъ я недоволенъ, и послѣдняя надежда найти руководителя—это Герландъ въ Страсбургѣ. Туда я послѣ лѣтней экскурсіи на Эйфель и т. п. и направляюсь, если до той поры не удастся устроить поѣздку на Яву, о которой я теперь хлопочу. Мнѣ кажется, что, чтобы выработать изъ себя хорошаго географа, надо какъ можно больше, читать и какъ можно болѣе самому видѣть типичныхъ мѣстностей. Тропики я могу посѣтить или теперь, или никогда. Занявъ кафедру, помимо того, что я буду связанъ преподаваніемъ, я долженъ серьезно заняться общественной дѣятельностью на пользу погибающей Россіи. Слѣдовательно, тутъ ужъ не до Явы или Ріо. Тутъ или кипучая дѣятельность, или Сибирь.

Я очень радъ, что ты въ письмѣ своемъ вернулся къ вопросу, поднятому мною въ письмѣ, посланномъ въ Питеръ. Оно было написано сгоряча, какъ сгоряча было написано твое письмо.

гдѣ ты хотѣлъ навсегда отречься отъ Россіи. Но я теперь скажу, что мои воззрѣнія теперь сформировались и установились. Они сильно, насколько я тебя знаю, расходятся съ твоими и чтобы намъ столкнуться, нужно или много разговаривать лично или завести правильную переписку. Я уважаю русскихъ социалистовъ — уважаю за то, что это люди, которые не сочувствуютъ творящимся въ Россіи мерзостямъ, которые желаютъ блага народу и Руси, словомъ, которые побуждаются хорошимъ благороднымъ чувствомъ стремленія къ правдѣ и истинѣ. Я понимаю нашу молодежь и сочувствую ей, что она отзывчиво относится къ этому движенію, что ею руководить тоже стремление къ истинѣ и добру. Какъ бы она ни увлекалась, какія бы нелѣпыя формы ни принимало это движеніе, никогда я не позволю себѣ бросить въ него грязью, никогда я не стану врагомъ тѣхъ, которые увлеклись. Насколько я понимаю суть этого движенія, настолько я знаю людей и настолько ты долженъ знать меня, чтобы въ этомъ не сомнѣваться. Но самъ раздѣлять его, вѣрить въ то, во что вѣрятъ наши социалисты, я не могу; какъ не могу я вѣрить въ чудеса и мощи, такъ какъ это не позволяетъ наблюденіе и опытъ, такъ же точно не могу я вѣрить и увлеченіямъ социалистовъ.

Я порядкомъ поѣздилъ по Россіи, я больше твоего вращался въ народной массѣ, какъ русской, такъ инородческой и европейской. Я слишкомъ твердо убѣжденъ въ томъ, что только при извѣстномъ культурномъ, а главное индивидуальномъ развитіи и самосознаніи, возможно достиженіе тѣхъ идеаловъ, о которыхъ мечтаютъ социалисты. А слѣпая варварская орда, какъ ни пересаживай, какъ ни перестана вливай ея условія жизни и представителей, останется все тѣмъ же самымъ дилюнальнымъ или еще болѣе примитивнымъ царствомъ невѣжества, эксплуатаціи и грубости, въ которыя погрязли наши соотечественники. Толстые, Деляновы, Колупаевы и Разуваевы и пр., и пр. суть продукты этой стихіи, и пока существуетъ стихія, то будутъ существовать и они. Строй тутъ ничему не поможетъ. Въ это можетъ вѣрить только тотъ, кто озлобленъ, кто дѣйствуетъ нелѣпо, руководимый чувствомъ, а не знаніемъ, какъ всѣ славяне, и потому всегда бываетъ разбитъ разумомъ. Стихія и притомъ стихія столь испорченная, какъ народъ русскій (я разумѣю весь ensemble, а не однихъ крестьянъ, также нами идеализированныхъ), не создастъ сама никогда ничего. И въ болѣе культурныхъ государствахъ Европы она игрушка въ рукахъ тѣхъ, которые умѣютъ управлять этой стихіей. Задача людей,

любящихъ этотъ народъ, это свое отечество, по моему, состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть того, чтобы стихія эта управлялась тѣми, которые ее любятъ и которые знаютъ ее и понимаютъ, что ей хорошо. Безразлично, по моему, кто будетъ управлять ею, этой массой, но я знаю одно, что если эту массу предоставить саму собою управляться, ею будутъ управлять тѣ, которые лучше понимаютъ ея слабости и играютъ на ея страстяхъ въ пользу личныхъ выгодъ. Это сама масса инстинктивно чувствуетъ...

Мнѣ лично, повторяю, совершенно безразлично, кто будетъ управлять Россіей. Моя задача, чтобы управленіе это было въ рукахъ людей, которые искренно желаютъ блага Россіи, любятъ и знаютъ ее, т. к. любовь безъ знанія любимого предмета есть лишь зло. Независимо отъ формы правленія тогда только государство и народъ будутъ благоденствовать, когда государственная машина будетъ состоять изъ людей, честныхъ и любящихъ свое дѣло, преданныхъ ему. Повѣрь, если бѣ эти люди, согласившись между собой, энергично поддерживая другъ друга, шли бы этимъ путемъ, много зла было бы уничтожено. Если бы та сумма ума и энергіи, которая была потрачена на покушенія, была направлена въ этомъ направленіи, жилось бы гораздо лучше. Что мы все думаемъ о потомкахъ. Мнѣ кажется лучше, чтобы нашему поколѣнію жилось лучше, потомки сами о себѣ позаботятся. А что сдѣлали соціалисты? Своимъ страстнымъ, полнымъ незнаніемъ условій отношеніемъ къ дѣлу, они дали возможность болѣе хитрымъ и сквернымъ людямъ захватить въ свои руки власть, и творить теперь такія пакости, какія трудно было и вообразить, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. И повѣрь, будетъ еще хуже, ибо слишкомъ много мерзкихъ необузданныхъ элементовъ есть въ нашемъ народѣ. Что же дѣлать? скажешь ты. По моему готовить людей, желающихъ блага Россіи, понимающихъ въ чемъ состоитъ народное благо и знающихъ этотъ народъ—людей, которые дружно и энергично поддерживая другъ друга, создали бы истинный строй, и, съ другой стороны, содѣйствовали возможно скорѣе поднятію умственного и нравственного уровня народа. Въ Россіи это можетъ сдѣлать энергичная горсть. Она это можетъ сдѣлать, не трогая народа, и совершенно безразлично при какомъ угодно образѣ правленія и строѣ. Вотъ мое убѣжденіе. Какъ слѣдуетъ дѣйствовать, укажу въ слѣдующемъ письмѣ. Отвѣчай скорѣе. Адр. мой: Berlin, Albrechtstr. 20.

Здѣсь въ Берлинѣ цѣлая министерская шайка молодыхъ людей, изучающихъ римское право и готовящихся занять различнѣйшія кафедры въ русскихъ университетахъ. Повидимому, все будущіе Владиславлевы. Вечеръ проведенный съ ними возбудилъ во мнѣ глубокое омерзѣніе. Боже, что же это будетъ. Единственный порядочный человѣкъ, котораго я до сихъ поръ здѣсь видѣлъ это Баронъ Толль, остзейскій нѣмецъ.

II.

Берлинъ, 1 іюня 1888.

Дорогой другъ, Владиміръ Ивановичъ. Теперь или никогда! Теперь или никогда можешь ты посѣтить чудный тропическій міръ, чтобы отдохнуть на лонѣ природы и, набравшись новыхъ силъ и впечатлѣній, вернуться освѣженнымъ въ наше несчастное отечество, чтобы посвятить себя работѣ на его благо. Послѣ ты—профессоръ,—ты общественный дѣятель. У тебя подрастетъ сынъ, будутъ, вѣроятно, и другіе. До того ли тебѣ будетъ пускаться въ дальнія плаванія, сопряженные съ расходомъ и рискомъ. Теперь у тебя только жена и младенецъ. Мушкетовъ и цѣлый рядъ мужей покидаютъ же ради научныхъ экспедицій на нѣсколько мѣсяцевъ своихъ женъ. Было бы излишней нѣжностью съ твоей стороны не слѣдовать ихъ примѣру. Послѣдуй моему совѣту, оставь жену у Сергѣя. Жизнь за границей, особенно при вашихъ скромныхъ потребностяхъ, такъ дешева, что ты на получаемыя тобой съ имѣнія деньги легко можешь ее устроить мѣсяцевъ на шесть въ Лондонѣ или Берлинѣ.

Самъ же составь мнѣ компанію и поѣзжай на Яву. Поѣздка, длящаяся 6 мѣсяцевъ, будетъ стоить около 2000... Какъ хорошо могли бы мы теперь путешествовать, дѣлиться впечатлѣніями, наблюдать совмѣстно. Какое бы прекрасное вышло раздѣленіе труда. Какую полную картину тропическаго міра вынесемъ мы съ тобою. Яву, Борнео, Кракатау, подумай только, какая чудная перспектива. По пути мы бы съ тобою выяснили всѣ наши недоразумѣнія и спорные вопросы. Притомъ рассчитай, путешествовать совмѣстно дешевле: комната, слуга, все это стоитъ полцѣны. Кромѣ того, голландцы и туземцы не то, что нѣмцы или итальянцы, и повѣрь, пріятнѣе путешествовать съ землякомъ. Право, не откладывай въ долгій ящикъ своихъ тропиковъ. Повѣрь, не полна жизнь того человѣка, который не видѣлъ этого чуднаго міра. Вмѣстѣ съ тобою потомъ издали бы мы книгу подъ заглавіемъ: «Путешествіе двухъ русскихъ натуралистовъ по Большимъ и Малымъ Зондскимъ Остро-

вамъ», гдѣ изложили бы наши мысли, наблюденія и впечатлѣнія.

Европа отъ тебя никогда не уйдетъ. Всегда, взявъ отпускъ, ты можешь сюда съѣздить. Тропики же могутъ улыбнуться навѣки. Лови же ихъ пока не поздно. Помни, пора намъ вступить на службу на благо Россіи. Хотя на дняхъ ты былъ готовъ отъ нея отречься, но я этому не вѣрилъ и не вѣрю. Я знаю, что ты ее любишь, хотя, быть можетъ, не такъ понимаешь ея благо, какъ я. Нашъ долгъ посвятить себя ей. Ну, а пока судьба насъ кинула за границу, пользуйся минутой и лови, лови то, что можетъ ускользнуть изъ рукъ. Итакъ, мы ѣдемъ.

Жду отвѣта, чтобы точнѣе сговориться относительно плана дѣйствій и мѣста свиданія. Твой другъ А. Красновъ.

III.

Дорогой В. И., перечитывалъ еще разъ твое письмо и все болѣе и болѣе съ нимъ не соглашаюсь. Мнѣ кажется, ты имѣешь весьма неясное представленіе о географіи и если бы ты началъ читать курсъ этой науки, то на дѣлѣ у тебя вышло бы попури изъ двухъ факультетовъ: естественнаго и филологическаго. Чтобы разъ навсегда поставить нашу переписку на правильную почву, я позволю себѣ изложить мой взглядъ на географію и ея преподаваніе. Если этотъ взглядъ ложный, то, мнѣ кажется, лучше теперь же, пока не поздно, отказаться отъ географіи и заняться ботаникой, хотя, признаюсь, познакомившись съ нѣмецкими профессорами, я почувствовалъ къ этой наукѣ глубокое отвращеніе. Я представляю себѣ занятія географіей такъ: 1) *Лекціи*. Онѣ необходимы. Распадется мой курсъ на три части: *Erdkunde*, *Länderkunde Eurasiens*, *Länderkunde* остальныхъ пяти частей свѣта.

Характеръ лекцій: 1) *Erdkunde*. Я понимаю географію, какъ описаніе явленій жизни земного шара въ данную эпоху его развитія, и объясненіе этихъ явленій. Чтобы ихъ научно описать, надо знаніе физики и естественныхъ наукъ и геологій. Задача лектора поставить въ связь выводы астрономіи, астрофизики, геологій, касающіеся земного шара, вывести изъ нихъ, какъ слѣдствіе, современные климаты, распредѣленіе явленій динамической геологій, почвъ, растений и животныхъ и человѣческихъ племенъ. Это курсъ *Erdkunde*, чтеніе этого курса необходимо и должно происходить съ возможно большимъ числомъ демонстрацій. Должны показываться типичныя животныя и растенія (т. к. ихъ не покажутъ, именно, ни зоологій,

ни ботаники), фотографіи съ объясненіями, модели и т. п. Явленія вулканизма не мѣшаетъ даже демонстрировать. Я не знаю до сихъ поръ ни одного учебника, гдѣ бы было все перечисленное поставлено въ надлежащую связь. Это задача лектора. Это высшая философія. Тутъ должны излагаться и теоріи, и гипотезы, и факты, говорящіе за и противъ нихъ. Лекціи должны быть увлекательны, заинтересовывать слушателей. Детали не необходимы, онѣ не удержатся все равно въ памяти, но профессоръ долженъ вліять на слушателей такъ, чтобы они читали возможно болѣе параллельно. При географическомъ кабинетѣ должна быть бібліотека, и профессоръ долженъ вліять, чтобы она читалась. Тутъ въ деталяхъ знакомятся ученики съ физической геологіей, гео-ботаникой, климатологіей, антропогеографіей и т. п.

Вся сила знанія нѣмцевъ состоитъ въ томъ, что они сами читаютъ, сами работаютъ, а у насъ только зубрятъ лекціи и учебники обязательнаго курса.

2) *Länderkunde* есть детальное *Erdkunde*. Разсматриваются материка, стараются указать особенности очертанія формы и природы различныхъ ихъ частей и объяснить явленія природы различныхъ странъ исторіей (геологіей) материковъ и современнымъ распредѣленіемъ физическихъ факторовъ, къ которому слушатели подготовились изученіемъ *Erdkunde*. Разбирается исторія образованія территорій той или другой страны, исторія образованія ея растительнаго, почвеннаго и животнаго покрова. Въ заключеніе дается картина жизни различныхъ формаций, иллюстрируется фотографіями и коллекціями. Въ фокусъ всей этой картины стоитъ человѣкъ. Его образъ жизни, его умственное и нравственное развитіе должно быть поставлено въ связь съ характеромъ страны, и исторіей образованія того человѣческаго общества, гдѣ разсматриваемое племя живетъ. Въ заключеніе обрисовывается, возможно рельефнѣе, жизнь описываемаго государства, народа или племени, поставленнаго, по возможности, въ связь съ его исторіей и природой страны. Евразія, какъ страна, гдѣ лежитъ наше отечество, разбирается возможно подробнѣе, Африка, Америка и Австралія описываются по сравненію съ болѣе доступной Евразіей. Конечно, желательно и ихъ изложить подробнѣе. Но надо помнить, что курсъ всего 4-годинный, и тутъ задача лектора поставить всѣ явленія въ связь, воспользоваться выводами исторіи, геологіи, ботаники и т. п. Необходимо ярко обрисовать природу, завлечь слушателя и направить его на бібліотеку соотвѣтствующихъ книгъ и пособій

3) Colloquium долженъ начинаться лишь съ третьяго курса и быть двухгодичный. Личность профессора здѣсь должна стушевываться. Это собраніе товарищей, интересующихся предметомъ. Colloquium долженъ быть двоякаго рода: студенты дѣлають рефераты о той или другой вновь вышедшей книгѣ, слушатели дѣлають возраженія, спсрять и т. д. Профессоръ, какъ лицо болѣе начитанное и опытное, дѣлаеть наравнѣ съ прочими свои замѣченія, которыя извѣстнымъ образомъ направляютъ споръ. Понятно, что бесѣды эти будутъ имѣть пользу при полной прстотѣ и равноправности отношеній; въ бесѣдѣ не должно быть и слѣда официальности. Чайный столъ—лучшее мѣсто для такихъ бесѣдъ.

На четвертомъ курсѣ colloquium принимаетъ другой оттѣнокъ. Студенты пробуютъ свои силы. Профессоръ избираетъ ему самому хорошо извѣстную губернію. Зима посвящается тому, чтобы въ colloquium'ѣ студенты ознакомились съ литературой о ней. Этимъ путемъ ученики узнають точнымъ образомъ, гдѣ и какъ доставать и какъ пользоваться матеріаломъ для изученія своего отечества. По окончаніи серіи colloquium дѣлаются экскурсіи. Специалисты по своимъ отраслямъ дѣлають наблюденія. Профессоръ даетъ только тонъ, указываетъ на типичныя мѣста, на имѣющіе значеніе для географіи пункты, даетъ наставленія въ смыслѣ Führer Richthofen'a, по даннымъ собственнаго опыта. Студенты наблюдаютъ то, что ихъ болѣе интересуеть, но каждый уже знаетъ, что будетъ интересно и ново для другого. Они учатся наблюдать разносторонне, дѣлая свое собственное дѣло. Результаты наблюденій реферируются въ концѣ. Это составляетъ цѣнный вкладъ въ науку.

Ученики научаются, руководясь общей, болѣе широкой идеей, наблюдать и изучать свое отечество. Потомъ заброшенный въ глуши провинціальный учитель будетъ знать, что ему дѣлать съ его вынесенными изъ университета знаніями ботаники и зоологіи, что интереснаго для него и для науки дастъ тотъ уѣздъ, куда забросила его судьба. Онъ будетъ знать, какъ и что наблюдать ему, будетъ умѣть сообщить ученикамъ новое объ окружающемъ его мірѣ.

Наше поколѣніе этому не учили. Я, ты, еще два-три человѣка — счастливыя исключенія — да и то до многого дошли самоучкою. Наша задача — сдѣлать наши наслажденія доступными всѣмъ нашимъ ученикамъ, положить начало частнымъ школамъ изученія родины. Ибо любить можно только то, что знаешь, и только съ пониманіемъ можно принести пользу. Всѣ

мы смертны. Человѣкъ живетъ среднимъ числомъ 60—70 лѣтъ. Обезсмертить себя онъ можетъ лишь великими дѣлами. Дѣла эти могутъ дѣлать единицы изъ миллионовъ. Остальные умираютъ безслѣдно. Къ чему они живутъ? — Отвѣтъ одинъ: они живутъ, чтобы наслаждаться жизнью, какъ и все живущее. Но отличіе человѣка отъ животнаго то, что кромѣ физическихъ наслажденій онъ можетъ имѣть нравственныя (любовь къ ближнему) и умственныя. Только тотъ, кто пользуется всѣми тремя, живетъ дѣйствительно. Чѣмъ больше людей будетъ въ состояніи такъ жить, тѣмъ болѣе счастья на землѣ. Задача профессора—дать возможно большому числу людей возможность жить такимъ образомъ. Географія—есть философія естествознанія. Она одна открываетъ новые горизонты, которые часто затемняются въ чисто систематическихъ наукахъ, нерѣдко въ рукахъ неумѣлаго профессора, превращающихся или въ ремесло, или въ отвратительный грубелизмъ.

Такъ я понимаю мою задачу. Если по твоему она не исполнима, лучше бросить ее скорѣе, какъ утопію, и обратиться на болѣе скромное поприще. Напиши, когда свидимся и свое мнѣніе. Твой А. Красновъ.

Берлинъ, Albrechtstrasse 20.

P.S. Написалъ много, а не сказалъ главнаго. Ты видишь, слѣдовательно, что профессоръ географіи долженъ видѣть, какъ можно больше и какъ можно болѣе читать. Первое онъ долженъ дѣлать, пока молодъ и впечатлителенъ. Второе ему покажетъ практика. Docendo discimus. Чтобы быть начитаннымъ географомъ, мало жизни человѣка. Гдѣ и кто это укажетъ мнѣ, что мнѣ читать по географіи? Пэнкъ? знающій, какъ показала его Geographie Deutschlands, одну геологію. Рихтгофенъ, бесѣдующій лишь за пивомъ? Кто же? Не правъ ли я, выбирая самъ для своей цѣли книги, справляясь у специалистовъ? Не правъ ли я, что, поживя во Франціи до конца зимы (повидавшись съ Реклю, пожалуй, поработавъ въ Антропологическомъ Институтѣ), отправлюсь на Яву и въ Японію, куда я потомъ никогда не попаду? Да, наконецъ, если и можно будетъ выскочить изъ Казани, лучше съѣздить будетъ въ Америку. Тогда и Старый и Новый Свѣтъ будутъ знакомы. Откладывать же дѣло въ долгій ящикъ, пока не будетъ 5 человѣкъ дѣтей, — непрактично. На Явѣ есть библіотека, ея вулканы изслѣдованы. Чѣмъ она хуже для изученія, чѣмъ Этна? Чѣмъ Лондонъ интереснѣе Іокогамы?

IV.

Дорогой Вл. И. Письмо твое для меня все-таки не вполне убедительно. Я сторонникъ того принципа, что не надо откладывать до завтра, что можно сдѣлать сегодня, и совершенно не понимаю, какъ провинціальный профессоръ, предавшійся своему дѣлу, можетъ выбраться откуда-нибудь изъ Казани на Яву, въ Рио-Жанейро или Японію. Попасть въ центральную Азію еще возможно, точно такъ же, какъ возможно въ случаѣ необыкновеннаго счастья попасть въ Соединенные Штаты. Но подѣ тропики изъ Россіи, не жертвуя своими деньгами (которыхъ нѣтъ) или массою времени, — совершенно невозможно. Я заранѣе предсказываю тебѣ, что ты, при твоёмъ образѣ дѣйствій, тропиковъ никогда не увидишь. Ты говоришь, что важнѣе видѣть молодымъ человѣкомъ Европу, нежели тропики. Опять не согласенъ. И тамъ въ еще большей степени нужна впечатлительность, гибкость натуры и выносливость, которой лѣтъ въ 35 или 40 уже не будетъ. Вотъ почему я остаюсь при моемъ убѣжденіи, что необходимо теперь пользоваться случаемъ посмотрѣть тропическій міръ. Затѣмъ, я нахожу, что ты смѣшиваешь антропологию съ географіей, что, какъ показалъ еще Герландъ,—неправильно. Методы антропологии географу не нужны, какъ не нужны ему методы физиолога или систематика растений. Ботаника, зоологія, петрографія и антропологи́я суть самостоятельныя науки; географъ пользуется ихъ выводами, сопоставляетъ ихъ данныя, но быть специалистомъ во всѣхъ этихъ наукахъ онъ не можетъ. Географу должны быть знакомы выводы сравнительной филологии, но неужели же онъ долженъ уметь говорить по-китайски? Тоже и съ антропологіей. Ты скажешь, что для того, чтобы судить объ антропологии, надо знать ея методы. Да, имѣть объ нихъ понятіе, но не учить имъ. Я знаю настолько геологию, чтобы понимать нужныя мнѣ, какъ географу, книги, но я не позволю себѣ учить студентовъ опредѣлять раковины или формации. Учить опредѣлять разновидности растений не входитъ въ задачу географа. Я буду изучать антропологию для себя. Я готовъ пробыть семестръ въ Парижѣ. Я бы уѣхалъ туда изъ Берлина немедленно, если бы имѣлъ нужныя для этого деньги. Къ сожалѣнію, я долженъ ждать до 15 іюля (1 іюня старого стиля), пока мнѣ вышлетъ министерство мое содержаніе; тогда я переѣду въ Парижъ и останусь тамъ до декабря. Я проживу въ типичной свободной странѣ и получу о ней понятіе. Что же касается до Англіи, то меня туда не

тянетъ. Лучше посмотрѣть тропики, нежели видѣть двѣ сходныя европейскія страны. Видѣвъ одинъ типъ, я могу представить другой, въ крайности въ Англію я могу попасть позже. Мнѣ потомъ легче будетъ разобраться въ ея жизни, нежели въ жизни тропической области. Ботаническій садъ предлагаетъ мнѣ проѣхать съ Явы въ Японію, и мнѣ кажется, что для русскаго гораздо интереснѣе посѣтить эту страну, гдѣ, какъ у насъ, европеизмъ борется съ азіатчиною, нежели знакомиться съ черезчуръ далекимъ отъ насъ идеаломъ Англіи. Со взглядомъ твоимъ на преподаваніе географіи я вполне согласенъ, хотя считаю направляющія лекціи нелишними. Онѣ должны возбуждать въ студентѣ охоту къ чтенію, а направлять чтеніе есть дѣло профессора. Очень хотѣлось бы съѣхаться съ тобой у жены и столковаться хорошенько. Сдѣлали бы экскурсію по Арденнамъ или на Эйфель. Эти области особенно сильно меня интересуютъ. За литературу о религіяхъ—благодарю. Напрасно ты такъ критикуешь мой образъ дѣйствій. Я, во-первыхъ, не социаль, а физико-географъ. Я въ данную минуту хлопочу всего болѣе о томъ, чтобы дать себѣ возможно лучшую подготовку въ области физической географіи,—это мой базисъ. Соціальная сторона дѣла пріобрѣтается чтеніемъ книгъ, что не уйдетъ, и наблюденіемъ жизни, что я дѣлаю, хотя долженъ сознаться, что Германія для этой цѣли весьма неудобна. Ужасно хотѣлось бы свидѣться и переговорить съ тобою. Лучшее мѣсто — Вильдунгенъ въ іюлѣ. Пиши чаще. Адресъ мой: Берлинъ, Albrechtstr. 20.

V.

Дорогой Вл. И. Несмотря на самое горячее желаніе мое свидѣться съ тобою какъ можно скорѣе и переговорить о массѣ вещей, которыя я считаю необходимымъ теперь выяснитъ другъ другу, я не могу на этихъ дняхъ пріѣхать въ Вильдунгенъ по той простой причинѣ, что у меня всего 10 марокъ и ранѣе какъ черезъ недѣлю я не разсчитываю изъ Питера получить деньги. Какъ только получу деньги, такъ постараюсь устроить свиданіе. Кромѣ того, если въ Дофинэ можно будетъ хорошо изучить технику и видѣть любопытные случаи, я вмѣсто Арденнъ охотно присоединился бы къ тебѣ, и если не имѣешь ничего противъ, проводилъ бы тебя черезъ Парижъ въ Англію. Пока, впрочемъ, ничего опредѣленнаго не могу сказать. Все выяснится къ 15 іюля. Я съ тобой вполне согласенъ, что въ письмахъ ужасно трудно выяснитъ свои взгляды и задачи. Поэтому я всегда былъ противъ писемъ, и, какъ тебѣ извѣстно, всегда

пишу ихъ съ большой неохотой и лишь въ крайности. Скажу только поэтому, что я очень радъ, что мы сталкиваемся относительно географіи, и замѣчу тебѣ, что для меня германскіе университеты, т. е. лекціи, а не университеты, *abschreckendes Beispiel*, и я далекъ отъ мысли переносить ихъ преподаваніе къ намъ. У меня постепенно вырабатывается свой взглядъ и свой планъ, но онъ, конечно, еще не готовъ. Я теперь сообразно съ этимъ планомъ стараюсь подбирать себѣ литературу. Ты, повидимому, не понялъ, что я разумѣю подъ *Länderkunde*. Тутъ рѣчь идетъ не объ государствахъ, не о материкахъ. Описаніе природы и жизни материка, жизнь и исторія его рѣчныхъ бассейновъ, разселеніе его организмовъ—есть безусловно предметъ физической географіи. *Erdkunde* это геофизика, *Länderkunde* для материковъ, своего рода океанографія для морей. Ну, чувствую, что опять говорю нелѣпо. При свиданіи надѣюсь изложить свой взглядъ лучше, такъ какъ онъ у меня составилъ довольно опредѣленный.

Отъ французскихъ университетовъ много не жду. Не даромъ всѣ ѣдутъ въ Германію, а не во Францію. Мнѣ очень жаль, что я не могу конецъ лѣта или осень работать во Франціи. Развѣ тамъ нѣмецкое распредѣленіе времени. Въ Англію я, между прочимъ, потому боюсь ѣхать, что очень плохо знаю языкъ, а знакомыхъ тамъ нѣтъ никого.

Поѣздка на Яву, кажется, помимо моей воли разстраивается, и это жаль, хотя я все-таки остаюсь при томъ убѣжденіи, что, если я теперь не увижу тропиковъ, я очень много потеряю, такъ какъ: 1) я не вижу возможности попасть туда позже, 2) если бы такая возможность и оказалась, то лучше бы было ее употребить на Америку. Это полезнѣе и для географіи, и для Россіи. Теперь въ Америку я ѣхать не могу, такъ какъ для изученія ея въ направленіи нужномъ Россіи я не могу, не подготовленъ. На Явѣ же есть всѣ пособія для изученія и тропической природы и классической области вулкановъ. Кланяйся Н. Г. Пиши скорѣе. Остаюсь любящій тебя другъ А. К.

VI.

Отвѣчай немедленно въ Берлинъ. Съ 1 іюля я буду въ Halle, куда пиши *poste rest*. Дорогой Вл. И. Если бы я представлялъ себѣ географію такъ, какъ ты ее обрисовалъ въ своемъ письмѣ, то я никогда не вздумалъ бы бросать ботанику и заниматься этой наукой, такъ какъ она сплошь по твоей программѣ

состоить изъ тѣхъ отраслей знанія, которыя для меня terra incognita и которыя въ теченіе года изучить для преподаванія невозможно. Если бы еще не позже, какъ вчера, я не перечитывалъ мнѣнія Географическаго общества и министерства, я, конечно, вмѣсто того, чтобы жариться въ библіотекѣ, пошелъ бы къ ботанику Кни и сталъ бы заниматься водорослями. Однако, задачи географической кафедры совершенно иныя, и той географіи, о которой говоришь ты, никто, нигдѣ не читаетъ—ее надо создать, выдумать, а для этого года мало. Вся программа министерства, всѣ нѣмецкіе курсы понимаютъ географію совершенно иначе, чѣмъ ты. Также понимаютъ ее и наши профессора. Мнѣ жаль, что приходится говорить письменно, такъ какъ я не могу на двухъ страничкахъ ясно выразить мысль. Отвѣчу по пунктамъ:

1) Физическая географія существуетъ у насъ въ двухъ университетахъ; въ другихъ ея нѣтъ, тамъ, гдѣ она существуетъ, она сводится лишь на климатологію и океанографію;

2) Динамическая геологія и геофизика далеко не тоже самое;

3) Главная задача географіи дать читателю связь между исторіей земного шара и явленіями жизни, теперь на немъ совершающимися. Этого не дастъ, да при современномъ направленіи не имѣютъ времени дать ни геологъ, ни метеорологъ. Зоо-, фито- и антропогеографія не могутъ излагаться безъ связи съ исторіею земной коры и климатологіи, при чемъ для географа, какъ въ геологіи, такъ и въ климатологіи, важно совѣмъ не то, на что обыкновенно напираютъ геологъ и климатологъ. Такія науки, какъ распредѣленіе суши и моря, видъ земнаго шара въ древнія эпохи, географія ледниковыхъ явленій излагаются геологически слишкомъ кратко для географа; ботаники и зоологи не только въ лекціяхъ, но и въ самостоятельныхъ работахъ поражаютъ такимъ невѣжествомъ въ новѣйшей геологіи, что они не въ силахъ преподавать студенту знанія рачіонально фито- и зоогеографіи.

Я понимаю географію совершенно иначе, чѣмъ ты. Я теперь всѣ силы свои употребляю на основательное изученіе геологіи, и если такъ можно выразиться, эволюціи земной коры *Antlitz der Erde* Зюсса, *Vergletscherung* Penk'a, *Geogr. Deutschland's* ero же, типъ тѣхъ сочиненій, которыя я читаю. Программа лекцій Кирхгофа, вотъ мой планъ, который я считаю нужнымъ значительно расширить. Четыре года—срокъ, установленный министерствомъ, съ этимъ срокомъ надо считаться.

Если будетъ кафедра одна, не думаю, чтобъ на антропологическія части оставалось много времени. У тебя человѣкъ играетъ слишкомъ много времени. Мнѣ же кажется выяснить развитіе страны и ея природу не менѣе важно. Человѣкъ же есть слѣдствіе этой природы. Впрочемъ, это не ясно и объ этомъ я напишу послѣ подробнѣе. Если кафедры двѣ, что врядъ ли будетъ въ провинціи, я, конечно, беру на себя физическую географію въ широкомъ смыслѣ, оставляя историческія части другимъ.

Задача географа-профессора готовить:

- 1) Учителей географіи;
- 2) Forschungsreisende;
- 3) Дать географическія свѣдѣнія вообще студентамъ натуро-философіи.

Для кого нуженъ общій курсъ? Чтеніе лекцій въ родѣ географіи Альпъ Рихтгофена, по моему, въ русскихъ университетахъ вредъ. Для этого есть книги. Если эти лекціи и можно читать, то какъ частныя лекціи приватъ-доцента, но не въ курсѣ.

Я готовлю изъ себя физико-географа въ твоёмъ смыслѣ слова. Человѣкъ входитъ въ мою программу только какъ объектъ физическихъ силъ. Я стараюсь ближе знакомиться съ отдѣлами физической географіи, которую я знаю и которую я могу развивать для университетскаго преподаванія.

Для меня человѣкъ составляетъ маленькій отдѣлъ антропо-географіи, гдѣ при *Länderkunde* у меня должно излагаться вліяніе на бытъ, строй жизни и развитіе религіи, общества и густоты населенія внѣшнихъ условій страны, физическіе элементы которыхъ разобраны. Эти вопросы должны излагаться въ связи съ физической географіей, такъ какъ они тѣсно съ ней связаны и безъ нея не ясны, ихъ не долженъ читать другой профессоръ. Эта физическая этнографія должна составлять часть физической географіи. Твой же профессоръ есть географъ человеческихъ обществъ, ему для этого только нужны элементы физической географіи, базисъ его знанія антропологія, статистика, социологія, филологія, даже исторія литературы, *Welthandel*, пути сообщенія и т. п. Для геофизики все это не важно. Пусть это и читаетъ тотъ профессоръ антропо-социологіи, который, по твоему, долженъ занять 2-ую кафедру. Я на эту кафедру не бую. Я хочу читать въ Казани, гдѣ насколько знаю, нѣтъ физической географіи, и гдѣ я займу эту 1-ую кафедру. 2-ая пусть остается свободной. Я могу себя подготовить изъ антропо-географіи и

этнографіи, насколько это нужно для физико-географа. Но для занятія 2-ой кафедрѣ у меня нѣтъ ни времени, ни силъ, ни желанія. Въ годъ, какъ бы я ни работалъ, я ничего не сдѣлаю кромѣ сумбура въ головѣ во вредъ себѣ и другимъ. Чтеніе такихъ лекцій было бы поступкомъ крайне недобросовѣстнымъ съ моей стороны. Все это хотѣлось бы разъяснить при свиданіи. Ты, живя въ странѣ точныхъ нѣмцевъ, даешь ужасно странныя опредѣленія. Что значитъ Петра и Павла? Когда это? Кто здѣсь знаетъ этотъ день? Я первый его не знаю. Опредѣли число. На будущей недѣлѣ я переѣзжаю въ Галле къ Кирхофу. Туда или въ Cottbus проѣдетъ Храповицкій. Если хочешь, приѣзжай по дорогѣ къ женѣ въ Галле. Если нѣтъ, то напиши, и я приѣду изъ Галле къ вамъ въ Willdungen. Ранѣе 1 іюля я не могу выѣхать изъ Берлина, такъ какъ на 1 іюля новаго стиля получу лишь деньги.

Ты видишь, что при томъ направленіи, которое я даю моей кафедрѣ, мнѣ гораздо важнѣе Ява—классическая страна вулкановъ и Японія—типъ совершенно особенно вырабатывавшагося государства, чѣмъ шатаніе по государствамъ запада, шатаніе, по моему безцѣльное, такъ какъ я убѣдился, чтобы учиться, надо сидѣть на мѣстѣ. Только въ годъ развѣ изучишь ты жизнь такого города, какъ Лондонъ. А схватывать верхушки—принципъ нашихъ западниковъ, я нахожу крайне вреднымъ. Не познакомившись со всѣми причинами, вызывающими явленіе, говорить о возможности перенесенія его къ намъ—крайне вредно. Англія и Франція по условіямъ жизни безконечно далеки отъ насъ. Подражая имъ, мы только создадимъ очень скверную карикатуру. Всѣ тебя такъ интересующія движенія у насъ немыслимы, или мыслимы какъ буря въ стаканѣ воды. Мы страны иного типа. Для меня, какъ для физико-географа, важнѣе видѣть явленія жизни земного шара, чѣмъ государства, имѣющія лишь временное значеніе.

Пройдетъ еще нѣсколько столѣтій и быть можетъ тѣ же англичане будутъ подражать Японіи или Китаю. Я считаю изученіе Россіи важнѣе. Но чтобы создать твою кафедру отечествовѣдѣнія, надо сперва изучить и изслѣдовать Россію. Впрочемъ, я сказалъ свое направленіе. Напиши немедленно свое рѣшеніе о Галле и Вильдунгенѣ. Берлинъ. Albrechtstr. 20.

VII.

Дорогой Вл. И. Твое упорное молчаніе на оба мои письма, адресованныя въ Мюнхенъ, меня очень тревожитъ и огорчаетъ.

Мнѣ кажется, можно не соглашаться другъ съ другомъ во взглядахъ на различныя вещи—но я всегда былъ далекъ отъ той мысли, чтобы и ты былъ настолько проникнутъ фанатизмомъ, чтобы говорить, кто не со мной, тотъ противъ меня. Ты знаешь, это далеко не въ моемъ характерѣ принадлежать къ какому-нибудь флагу, къ какой-либо партіи. Всякая партія есть крайность—всегда положенія ея содержатъ извѣстную долю увлеченія, страсти, а, слѣдовательно, и заблужденія. Вѣдь, смѣю же, наконецъ, я «свое сужденіе имѣть». Вѣрь мнѣ, всегда я горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея будущность—и теперь я люблю ее, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Но разница между мной и тобой та, что я всегда изучаю и стремлюсь изучать людей, ты же изучаешь общество. Кто изъ насъ правѣе: ты или я, покажетъ будущее. Не думай, я также слѣжу за социальными движеніями, но прости—всѣ эти здѣсь издающіяся «свободы» и т. п. производятъ на меня впечатлѣніе совершенно такое же, какъ «Русскій Вѣстникъ» и т. п. консервативные журналы. Это два озлобленныхъ увлекающихся лагеря, а гдѣ увлеченіе, тамъ нѣтъ правды, нѣтъ истинной, холодной оцѣнки фактовъ. Я глубоко убѣжденъ, что мерзавцы, ташкенцы и т. п. категоріи людей, съ которыми меня судьба многократно сталкивала, всегда были и будутъ существовать, они долго еще будутъ господствовать въ Россіи, такъ какъ на ихъ сторонѣ двѣ вещи—опытность, знаніе людей и энергія.

Если во время благородныхъ порывовъ нашей молодежи было много энергіи и ни для чего ненужнаго самопожертвованія, то не было другаго — опытности и знанія людей. Это дается не такъ скоро и не такъ легко и на университетской скамьѣ его получить почти невозможно. Нужно слишкомъ много различныхъ случаевъ въ жизни, слишкомъ много анализовъ поступковъ, чтобы достигнуть этого. Человѣкъ увлекающійся, человѣкъ идеи, погруженный въ книги, возвращающійся по большей части въ обществѣ единомышленниковъ, имѣть его не можетъ. Вотъ почему я тебѣ повторяю, я сочувствовалъ и теперь еще сочувствую всѣмъ порывамъ молодежи, но прежде, будучи студентомъ, я лишь смутно сознавалъ ихъ неправильность, невольно поддавался общему стадному увлеченію; возмутительные факты, всюду совершающіеся, невольно заставляли плыть по этому теченію. Но теперь, когда у меня знанія людей больше, когда я въ Бреславлѣ въ уединеніи могъ подвергнуть анализу видѣнные мной факты, сопоставить ихъ съ идеями, я вижу, какъ безконечно фантастичны увлеченія молодежи, и теперь споры о строѣ

Проф. А. Н. Красновъ вмѣстѣ съ редакціей и ближайшими сотрудниками „Южнаго Края“.

государства мнѣ кажутся подобными спорамъ религіозныхъ сектъ среднихъ вѣковъ, спорамъ, гдѣ падало столько жертвъ, тратилось столько энергіи и силъ. Люди составляютъ государство и общество, отъ людей зависитъ его благосостояніе и сила, и задача моей жизни и всей моей будущности двоякого рода. Воспитывать или содѣйствовать воспитанію возможно большаго количества умственно и нравственно развитыхъ людей, любящихъ свое отечество, стремящихся работать для его блага, блага, состоящаго въ томъ, чтобы члены его состояли изъ умственно и нравственно развитыхъ людей, повинующихся такимъ же людямъ, стремящимся на благо Россіи. Въ этомъ направленіи будетъ направлена моя общественная дѣятельность. Та партія, которая будетъ стремиться къ тому же, есть моя партія, но разъ она отступаетъ въ чемъ-либо отъ этой программы, я отъ нея отрекаюсь.

Частная моя дѣятельность будетъ направлена въ томъ же смыслѣ, но въ узкомъ кругѣ. Если мнѣ населенію того уѣзда, гдѣ я буду жить, удастся расширить умственный и нравственный горизонты, сдѣлать жизнь болѣе пріятной и близкою къ чело-Vвѣческому идеалу — моя задача исполнена. При поступкахъ я буду лишь руководиться постояннымъ анализомъ характера и степени развитія чело-Vвѣка. Моя задача — приготовленіе людей. Если будутъ люди, всякій строй будетъ хорошъ, пока нѣтъ людей, всякая переменна, всякій безпорядокъ будетъ содѣйствовать возвышенію мерзавцевъ. Опытъ 7 послѣднихъ лѣтъ это показалъ, и я твердо вѣрю, что чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже будетъ. Слишкомъ много у насъ темныхъ силъ и почти нѣтъ знающихъ энергичныхъ, свѣтлыхъ личностей. Жду отвѣта. Вотъ мой взглядъ. Ты видишь, что я также желаю блага и мой идеалъ недалекъ отъ вашего. Но способамъ социалистовъ я вѣрить не могу. Неужели же это заставляетъ тебя молчать и разрывать дружбу въ вѣчность, которой я твердо вѣрилъ. Гдѣ Сергѣй? Что тропики? Адр. мой: Берлинъ, Albrechtsstr. 20.

VIII.

24 іюля 1888. Halle a S. Germarstr. 9.

Дорогой другъ В. И. Извини меня, что я тебѣ не отвѣчалъ такъ долго на твое письмо. Я дѣлалъ съ проф. Фрицше-
мъ экскурсію на Гарцъ, очень интересную, и по возвращеніи полу-
чилъ два твоихъ письма. Благодарю тебя за твое обѣщаніе
устроить мнѣ заемъ. Тогда мы могли бы устроить совместно
экскурсію. Съ своей стороны, предлагаю слѣдующіе планы: 1) Въ

Лондонъ на геологическій конгрессъ и оттуда черезъ Арденны въ Парижъ. Конгрессъ, говорятъ, общаетъ быть весьма интереснымъ, кромѣ того, онъ соединенъ съ экскурсіями. Можно будетъ посѣтить Кью и познакомиться съ англійскою жизнью.

2) Если считаешь этотъ планъ неудобнымъ, то устроимъ одно изъ двухъ. 30 августа или 1 іюля ѣдемъ въ Цюрихъ и дѣлаемъ экскурсію съ Геймомъ въ Швейцарію, вѣроятно, въ область Теди. Это прекрасный случай практически познакомиться съ тектоникой и Gletcherkunde.

Кромѣ того, въ началѣ августа въ Швейцаріи геологическій конгрессъ и совмѣстная экскурсія на Юру, при чемъ можно будетъ видѣть въ разрѣзѣ весь профиль Юры. У меня много знакомыхъ и насъ присоединятъ съ удовольствіемъ. Съ Юры мы можемъ или спуститься по Рейну до Эйфеля, сдѣлавъ Ausflug на Шварцвальдъ, я оттуда проѣхалъ бы въ Парижъ, а ты, куда хочешь. Можно сдѣлать и такъ: оставить Рейнъ, а черезъ Юру прямо поѣхать во Францію и посѣтить Дофинэ и Овернь. Мнѣ непременно хотѣлось бы видѣть области древнихъ вулкановъ.

Программа моихъ занятій такова. Теперь читаю по динамической геологіи и по Thierverbreitung, экскурсирую, по мѣрѣ возможности, и стараюсь завязать знакомства. Благодаря проф. Dames, познакомился съ деловіемъ окрестностей Берлина и видѣлъ кое-что на Гарцѣ. На дняхъ посѣщу Страсбургъ. Начиная съ осени, погружаюсь въ науку о человѣкѣ, которой посѣщаю исключительно зиму. По орографіи знаю лишь Зонклара. Картографіей не занимался, такъ какъ не знаю хорошаго руководителя. Читалъ лишь теорію по Steinmayer'у. Надѣюсь найти практику въ Парижѣ, на которую возлагаю большія надежды.

Съ метеорологіею сплеховалъ. Можно было кое-чему выучиться и въ Берлинѣ. Вообще надо бы было о многомъ переговорить. Этотъ годъ я считаю для себя потеряннымъ и утѣшаю только тѣмъ, что написалъ диссертацию и все-таки повидалъ многое въ Европѣ и разочаровался въ нѣмецкой наукѣ. Съ осени буду работать, по мѣрѣ силъ, для оріентировки. Лекціи же стану готовить не ранѣе лѣта будущаго года. Тропики придется отложить. Печатать я ничего не печаталъ, такъ какъ продуктивно не работалъ. Дѣлалъ лишь сообщеніе въ Берлинѣ, оттискъ котораго передамъ тебѣ при свиданіи.

Министерство должно было тебѣ прислать деньги 15 іюля. Если ихъ не получилъ, пиши и жалуйся; тамъ что-то не ладно. По курсу я долженъ былъ получить 720 марокъ, а мнѣ прислали всего 640. Ѣхать въ Швейцарію могу лишь въ томъ

случаѣ, если можно устроить заемъ. Если нѣтъ, устроимъ свиданіе гдѣ-либо ближе. Во всякомъ случаѣ немедленно отвѣчай на это письмо и приложи адресъ. Я потерялъ твой и не знаю № дома—51 или 53 и боюсь, что письмо не дойдетъ. Остаюсь горячо любящій тебя другъ.—Въ Швейцарію ѣдетъ также баронъ Толь. Ты его знаешь. Кажется, очень хорошій человѣкъ.

IX.

Дорогой и милый В. И. Извини, что не отвѣчалъ такъ долго на твое письмо. Книги тебѣ давно уже выслалъ и надѣюсь, что ты ихъ уже получилъ. Отвѣчай мнѣ на это письмо немедленно, такъ какъ я намѣренъ дней черезъ 9 уѣхать въ Россію защищать диссертацию и держать экзаменъ у Петри. Поѣду, вѣроятно, или черезъ Швейцарію, или черезъ Марсель и Геную, потому можно бы было свидѣться или съ тобою, или съ твоей женой, если это удобно и если ты сообщишь адреса. Новостей особенныхъ нѣтъ, читаю очень много по географіи Англіи, Франціи и Испаніи и по исторіи географіи. Былъ на дняхъ на reunion рабочихъ, и вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Вообще о Парижѣ я всегда буду вспоминать съ удовольствіемъ, хотя теперь жажду его покинуть. Кланяйся нашимъ. Твой Андрей. Парижъ, 12, Rue Gay Lussac.

X.

Дорогой другъ, В. И. Не писалъ тебѣ такъ долго, потому что не зналъ, вернулся ли ты изъ своей поѣздки по Германіи. Теперь, я надѣюсь, ты уже дома, и потому пишу тебѣ по старому адресу. Новостей особенныхъ нѣтъ. Въ Казани, пишутъ, оказывается вакантная кафедра по ботаникѣ, но кажется и она собирается мнѣ улыбнуться, какъ улыбнулся Томскъ. Въ ботаническій садъ хлопотать за меня поголовно отказались всѣ ботаники, и вся затѣя произвела въ Петербургѣ очень дурное впечатлѣніе, не исключая и Докучаева, который, Богъ знаетъ, откуда узналъ о ней. Я въ восторгѣ отъ Парижа и теперь вполне его оцѣнилъ и понимаю, почему вы всѣ такъ сюда стремитесь. Занятія мои устроились покуда лишь у Рено, у котораго прекрасно можно выучиться методикѣ фитопаалеонтологіи и я и теперь уже узналъ много новаго. Онъ очень любезенъ и внимателенъ. Сегодня познакомлюсь съ Топинаромъ. Батюшковъ не поѣхалъ въ Италію, но остается въ Парижѣ до зимы. Напиши, пожалуйста, въ какомъ это сочиненіи ты нашелъ критику и доказательства несостоятельности всѣхъ теперешнихъ палеон-

тологическихъ методовъ. Если можешь пришли заглавіе. Всего тебѣ лучшаго, кланяйся женѣ. Твой Андрей. Парижъ — 18 октября 1888 г.

XI.

Дорогой другъ, В. И. Книжку тебѣ я отослалъ еще третьяго дня. Что же касается до занятій, то они начинаются 7 ноября, и тогда я тебѣ вышлю подробныя данныя. Пока въ Парижѣ я работаю только у Рено, именно, занимался приготовленіемъ анатомическихъ препаратовъ изъ окаменѣлыхъ деревьевъ. Результаты получаются изумительные. Структура стволовъ, вѣтвей, листьевъ сохраняется такъ хорошо, что поперечные разрѣзы черезъ листовыя пластинки, или черезъ стволъ такъ же хороши, какъ у живыхъ растений, и опредѣленіе такимъ путемъ, несомнѣнно, точнѣе всѣхъ другихъ способовъ. Методы довольно просты и имѣя въ виду массы сырого матеріала въ Россіи, понятно, что у насъ можно разрѣшить многое. Я писалъ Докучаеву, прося его прислать кое-что изъ кабинета для опредѣленія, но онъ мнѣ ничего не отвѣчаетъ. Съ антропологіей еще ничего не начиналъ. Только съ начала будущей недѣли можно будетъ работать въ лабораторіи у Топинара, но я еще не знаю, буду ли это дѣлать. Въ Казани есть вакантная кафедра ботаники и Бекетовъ хотѣлъ хлопотать о предоставленіи ея мнѣ. Хотя онъ пишетъ, что надежды очень мало, но пока я не получу отъ него отвѣта, я буду стоять на ботанической почвѣ. Кромѣ того, мнѣ предложили здѣсь въ обществѣ прочесть сообщеніе, надъ которымъ я и работаю. Печатанье диссертациі будетъ окончено къ 1 ноябрю стараго стиля, я тогда я могу въ декабрѣ или январѣ ее защититъ. Твой другъ, Андрей.